

Николас Блейк
Голова путешественника.
Минута на убийство (сборник)

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=151213

Голова путешественника. Минута на убийство: [сборник] / Николас Блейк: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-081567-8

Аннотация

«Голова путешественника»

У дома эксцентричного литератора Роберта Ситона обнаружено обезглавленное тело. Полиция не сомневается, что славящийся дурной репутацией Ситон – убийца. Но прибывший на помощь другу детектив Найджел Стренджуэйз понимает, что практически у каждого обитателя поместья Ситона были не только мотив и возможность, но и желание совершить убийство.

«Минута на убийство»

Отравлена бывшая невеста капитана британской армии – героя войны. Все улики по делу указывают на самого капитана, так и не примирившегося с изменами возлюбленной. Однако старый друг подозреваемого Найджел Стренджуэйз начинает собственное расследование и приходит к совершенно неожиданным выводам...

Содержание

Голова путешественника	5
Из дневника Найджела Стрейнджуэйза	5
Чемодан без бирки	15
Тупик	24
Темное прошлое	33
Глиняная голова	45
Голова в воздухе	54
Страшная тайна Джанет Ситон	61
Секрет Реннела Торренса	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Николас Блейк
Голова путешественника.
Минута на убийство (сборник)

Nicholas Blake
HEAD OF A TRAVELLER
MINUTE FOR MURDER

© Nicholas Blake, 1947, 1949

© Перевод. В. Артемов, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Голова путешественника

Из дневника Найджела Стрейнджуэйза

7 июня 1948 года

Днем Пол свозил меня к Ситонам.

– Боб Ситон – это по твоей части, – сказал он уверенно, – он, знаешь ли, стихи пишет.

Я это знал и сообщил Полу, что Роберт Ситон – один из наиболее выдающихся наших поэтов.

– Рад это слышать, – невозмутимо ответил он. – У него отличное стадо гернсейских коров. Дом тоже очаровательный. А маслодельня какая – ты будешь потрясен!

Я уведомил его, что еду знакомиться не с коровами, в каких бы шикарных условиях они ни жили, а с поэтом Ситоном, и спросил, какой он.

– Кто? Старина Боб? – Пол корпел над очередной анкетой, какие обязаны заполнять фермеры, и внимание его несколько рассеивалось. – А, он хороший малый. Такой, знаешь, спокойный, простой...

В общем, паломничество оказалось не слишком утомительным – всего лишь до соседней деревушки. Ферма Пола находится совсем рядом с Хинтон-Лейси, а дом Ситона, Плаш-Мидоу, – в Ферри-Лейси, двумя милями дальше. Ферри-Лейси – это типичная оксфордширская деревня, построенная как бог на душу положит: живописные сельские развалюхи вперемежку с приткнувшимися там и сям маленькими вилами и бунгало из красного кирпича.

При первом же взгляде на Плаш-Мидоу, находящийся в самом конце деревни, у меня захватило дух. Самый настоящий помещичий дом эпохи королевы Анны, низкий и длинный; старинный кирпич сочного розового цвета; окна на разном расстоянии друг от друга, но расположенные удивительно удачно. Пятьдесят ярдов ровной, как полотно, и блестящей, как зеленое стекло, травы между домом и невысокой оградой, отделяющей его от дороги. Все: и эта ограда, и сам дом, и клумбы слева от него, и стены хозяйственных построек за домом – было усыпано розами. Коврами, водопадами, гирляндами роз. Застывшее буйство белых и желтых цветов. Странно было не увидеть ни одной розы на двух могучих, устремленных в небо секвойях, растущих на газоне по обе стороны дома. А дальше за домом, скрытая за деревьями, несла свои воды Темза, и дом стоял в нескольких сотнях ярдах от нее на высоком обрыве.

– Все, конец! – удивленно воскликнул я.

– Да, – подтвердил Пол. – Дороги дальше нет. Вернее, дальше, вон там, где в прежние времена был паром, есть пешеходный мостик – по нему можно перебраться через реку и пройти полями до Редкота.

Он притормозил у ворот. Я различил доносившийся издали ровный шум, похожий на звук, который слышишь, приставив к уху морскую раковину, только более низкий; замирающий гул, никогда не затихающий вовсе, вздох бессмертия... Неужто он и впрямь доносится из глубин бесконечности? Или это просто моя фантазия, навеянная седовласой старикой этого места с его заснувшим как будто в вечном покое розовым царством?..

Пол, должно быть, заметил, что я прислушиваюсь.

– Это плотина, – объяснил он. – В полумиле вверх по течению.

Да, могло быть много хуже. Он мог, например, сообщить мне, что это работают механические доильные машины. Облегченно вздохнув, я поделился с ним своим подозрением.

– Кто же доит коров в половине первого дня? – фыркнул Пол и въехал в ворота.

Мы вышли из машины.

Мне казалось, что я грежу. Проходя вдоль фасада здания, заглядывая в окна гостиной, я невольно ожидал увидеть Спящую красавицу в окружении церемонно изогнувшихся придворных в парчовых камзолах, с розами в длинных изящных пальцах...

Открылась дверь, и я вздрогнул: мой сон становился явью. На пороге стоял карлик – отвратительный урод с улыбкой до ушей, в зеленом суконном фартуке. Честное слово, Пол мог бы и предупредить меня.

– Привет, Финни, как жизнь? – как ни в чем не бывало приветствовал он карлика, и тот в ответ захрюкал и загундосил, а потом заковылял по коридору на своих кривых ножках, приглашая нас следовать за ним.

Пройдя через холл, мы оказались в гостиной. Чары не развеялись. Это была комната самой совершенной формы, с двумя рядами окон и обшитыми зелеными панелями стенами. Великолепный камин, мебель красного и орехового дерева, шторы и ковер цвета увядших рождественских роз, всюду вазы с розами, над камином картина Ренуара сочных богатых тонов...

– Я вижу, вам понравился мой Ренуар, – произнес у меня за спиной глубокий грудной голос.

Я повернулся, и Пол представил меня хозяйке дома. Миссис Ситон, поистине величественная особа, встретила меня милостиво, с непринужденным, но хорошо отработанным видом герцогини, принимающей букет. Крупная темноволосая внушительная женщина; широкая кость, птичий нос, желтоватый цвет лица, слишком маленькие для такого широкого лица глазки под густыми бровями; самые светские манеры, но никакого обаяния. Возраст, кажется, под пятьдесят. Лет через двадцать она станет настоящей старой ведьмой.

Я вежливо, хотя и вполне искренне выразил свое восхищение ее домом. У нее в глазах вспыхнул огонек, она даже помолодела на миг.

– Я очень горжусь им. Понимаете, мы живем здесь уже не одну сотню лет – много дольше, чем стоит этот дом, хочу я сказать.

– Для своих нескольких столетий вы выглядите необычайно свежо, Джанет, – усмехнулся Пол.

Миссис Ситон вспыхнула, как школьница, но вовсе не от того, что рассердилась: она относилась к той категории женщин, которым нравится, когда над ними подтрунивают представительные мужчины.

– Не говорите глупости, Пол. Я как раз собиралась сказать мистеру Стрейнджуэйзу, что двум этим деревушкам дала имя моя семья. Наш предок Фрэнсис де Лейси получил это поместье от Вильгельма Завоевателя.

– И тогда вы вступили в брак со своим домом и с тех пор живете-поживаете без забот и в полном довольстве, – сказал Пол.

Эта реплика, мне абсолютно ни о чем не говорящая, почему-то пришлась не по вкусу Джанет Ситон, и она отвернулась от Пола.

– Во время ленча *поэт* присоединится к нам: он всегда *работает* по утрам, – уже другим, вибрирующим тоном обратилась она ко мне, выделив голосом особенно важные для нее слова.

Эта фраза могла быть шутливой, могла быть и ласковой – как посмотреть; но мне от нее почему-то стало не по себе. Настолько, что я до неприличия резко вернул разговор к прежней теме.

– Значит, дом принадлежит вам? – спросил я.

– Он принадлежит нам обоим. Отец Роберта купил его у моего отца, а потом Роберт унаследовал его. Старый мистер Ситон переименовал его в Плаш-Мидоу, но все в округе

продолжают называть его Лейси... Мистер Стрейнджуэйз, вы не интересуетесь эмалью Баттерси? Вон в том шкафчике есть несколько неплохих вещей.

Я сказал, что интересуюсь, – хотя деловые отношения между Ситонами и Лейси занимали меня намного больше. Миссис Ситон отперла шкафчик и извлекла оттуда изящную пудреницу. Она подержала ее секунду в своих больших, с узловатыми суставами, пальцах и затем вложила мне в руки. Рассматривая пудреницу, я почти физически почувствовал на себе взгляд хозяйки дома – как будто на меня пахнуло жаром пылающего горна. Я поднял на нее глаза. На лице у нее было какое-то особенное выражение. Смогу ли я описать его? Сияющая самодовольством улыбка молодой матери, которая глядит на своего первенца, лежащего на руках у друга; плюс сдержанное беспокойство (а вдруг он уронит мое дитя?); плюс что-то еще, что-то неуловимое, умоляющее, почти жалобное. Когда я отдал ей пудреницу, она вздохнула и на мгновение застыла, словно у нее перехватило дыхание.

– О, наша всепоглощающая страсть! Снова хвастаемся своими сокровищами? – раздался от двери приятный негромкий голос.

На пороге стоял молодой человек, держа за руку очаровательную девочку, встряхивавшую соломенными волосами. Оба улыбались.

– А вот это, мистер Стрейнджуэйз, мои самые редкостные экспонаты. Лайонел и Ванесса – они приехали на каникулы. Идите сюда, дети, дайте-ка вами похвастаться, – улыбнулась миссис Ситон.

Мы пожали друг другу руки. Вблизи Лайонел Ситон выглядел старше – много старше своих лет. Пол рассказал мне потом, что он воевал, один из немногих оставшихся в живых защитников Арнхема, вся грудь в медалях. Но откуда у них с Ванессой такая внешность, на кого они похожи? Любопытно. Наверняка Джанет Ситон тут ни при чем.

– Мы были на реке, катались на надувной лодке, – сообщила мне юная леди. – Лайонел ну совершенно сумасшедший! Мы пытались подстрелить водяную курочку из его духового пистолета. И что в результате? А ничего, курочка цела и невредима, а у нас чуть задницы не отвалились от холода.

– Ванесса! – воскликнула миссис Ситон. – Мистер Стрейнджуэйз, вы должны извинить детей за их ужасные манеры. Их очень плохо воспитывали.

Она произнесла эти слова как бы вскользь, между прочим, но Ванесса скорчила гримасу и сразу стала серенькой и незаметной, как будто зашло золотившее ее солнце.

– Мы не имели счастья получить воспитание у Джанет. Понимаете, она наша приемная мать.

Возникшую неловкость сгладил Лайонел Ситон, пустившийся в пространные объяснения о том, что поскольку человек, который плавает на надувной лодке, должен сидеть на полу, а пол лодки находится ниже уровня воды, а вода холодная, – следовательно, плывущий в лодке неизбежно замерзнет, а точнее, замерзнет его задница... и т. д. и т. п. Он добавил что-то вроде того, что ему очень повезло и он не был одним из тех летчиков, которым пришлось провести порядочную часть войны, плавая по океану в резиновых лодках.

Хороший паренек. И держится неприступно, как часто бывает у детей, чьи родители отличаются от других гениальностью или сильным характером.

На вид Ванессе лет четырнадцать, а на самом деле, может, и меньше. Она боготворит брата-героя, а тот находит ее ужасно забавной, относится к ней покровительственно и ласково и рядом с ней молодеет лет на десять. А девочке и невдомек, что одним своим присутствием она исцеляет оставшиеся у него с войны раны.

Но вот миссис Ситон подняла палец. Ее голос снова чуть задрожал, как будто вышколенный дворецкий легонько ударил в гонг, приглашая домочадцев к столу.

– Мне кажется, я слышу – к нам спускается *поэт*. Да, вот и он, собственной персоной.

И тут, Бог мой, произошло то, что случается во время великих торжеств, когда улица увешана флагами, оркестранты надувают щеки, чтобы грянуть марш, почетный караул вскидывает ружья, толпа сгорает от нетерпения... И тут из-за угла появляется не его величество монарх, а бездомная собачонка или мальчишка-посыльный на велосипеде, на всех парах пронсящий между шпалер восторженных подданных.

Роберт Ситон быстрым шагом вошел в комнату, улыбаясь всем вместе и никому в отдельности, – невзрачный маленький человечек в помятом синем костюме, выглядевшем так, будто он в нем спал.

Он хотел было поздороваться за руку с собственным сыном и дочерью, но Джанет ловко обратила его внимание на меня. Когда мы пожимали друг другу руки, отсутствующее выражение у него на лице вдруг исчезло и глаза заискрились умом, каким-то его особенным качеством. Это качество состояло, как я теперь могу с уверенностью определить, в необыкновенной, почти сверхъестественной внимательности. Я принялся на ходу сочинять историю про Спящую красавицу – фантастическую историю, навеянную его розовым царством. Он слушал меня – по крайней мере мне так показалось – не только ушами, но каждым нервом, всем своим тощим телом, каким-то внутренним слухом (он сидел опустив глаза, будто стараясь уловить в своей душе отзвук моих слов). Когда я закончил, он поднял голову и на мгновение заглянул мне в глаза; взгляд у него был пронзительный.

– Спящая красавица. Ну да, – задумчиво кивнул он. – И все эти колючие заросли... Да. Но вы не задумывались, – он, казалось, быстро-быстро, как крот зарывается в землю, уходил от глаз людских к своим глубоким потаенным мыслям, – вы никогда не задумывались, почему она все-таки осталась в своем дворце, что ее там удержало? Думаю, это были розы, а не колючки. Она была пленницей собственной красоты, пленницей решимости ее родителей сделать ее неуязвимой и спасти от встречи с собственной судьбой. Вы помните, королева убрала все прялки? Да, во всем виновата королева; ни в какую злую колдунью я не верю. Бедняжка принцесса с ума сходила от безделья, ей ничего не оставалось, кроме как предаваться мечтаньям и восхищаться собственным отражением в розах. Вот и получилось, что от скуки она взяла и заснула. Я не верю в ту часть, где она уколола пальчик веретеном; больше того, – доверительно добавил он, – я и в прекрасного принца не верю. Держу пари – он так и не пробрался сквозь заросли: для этого нужно было быть Чудовищем, рвущимся к Красавице...

– Ты перепутал все сказки, Роберт, – заметила его жена, стоявшая в этот момент рядом с ним. – Пойдемте к столу.

Столовая выдержана в темных тонах, блистает чистотой, ни капли уныния. Все поверхности – стол, буфет – сверкают, отполированные за два века локтями и тряпками горничных. Стулья в стиле империи, высокие свечи. Над камином портрет того Лейси, что построил этот дом вместо сгоревшей усадьбы елизаветинской эпохи, которая сама в свое время сменила более раннее строение. В окна заглядывают белые розы. Еда восхитительная. За столом прислуживает карлик Финни Блэк, сноровистый и расторопный; правда, очень неприятно, когда, обнося овощами, слуга смотрит на тебя снизу вверх. Как только он на минутку вышел, миссис Ситон сказала мне:

– Наш Финни – исключительная личность. Самый настоящий Шут.

– Вы хотите сказать, в шекспировском духе? – К счастью, я уловил, что слово «Шут» она произнесла с большой буквы.

– Да. Он изрекает мудрейшие вещи, не так ли, Роберт? Правда, при гостях поначалу стесняется.

– Значит, он упорствует в своей глупости? – отважился я.

Миссис Ситон посмотрела на меня непонимающе, но муж тут же пришел ей на помощь:

– Мистер Стрейнджуэйз цитирует Блейка: «Если бы глупец упорствовал в своей глупости, он стал бы мудрецом».

– А по-моему, это абсолютная чушь, – вставила Ванесса. – Он бы стал еще большим дураком. Что и произошло с Финни.

– Ох, Ванесса, ты же знаешь, что от этого твоего ужасного синтетического лимонада остаются пятна на полировке! Вытри немедленно! – Миссис Ситон произнесла эти слова с плохо сдерживаемым раздражением.

Ванесса принялась изо всех сил тереть салфеткой место, где капнула лимонадом, с грозным видом бормоча себе под нос:

– Вот тебе, вот тебе, чертово пятнышко!

Я поинтересовался, над чем сейчас работает Роберт Ситон, но он не успел еще и рта раскрыть, как вмешалась жена:

– Роберт пишет свой *шедевр*. – В голосе ее снова послышались трепетные нотки. – Эпическую поэму о Великой войне, я имею в виду войну 1914 года. Что-то в духе «Правителей».

На мгновение на лице Роберта Ситона появилось страдальческое выражение. Писатели терпеть не могут, когда при них говорят о произведениях, которые они только еще создают. Хорошие писатели, во всяком случае. Я выдавил из себя несколько вежливых фраз насчет того, как давно (точнее, уже почти десять лет) все мы ждем его новой книги. Потом добавил, что его ранние работы, особенно «Лирические интерлюдии», были первыми книжками, пробудившими во мне интерес к поэзии, когда я еще учился в школе. Тут Пол, который, казалось, ничего не слушал и был занят только едой, неожиданно проговорил:

– И все же лучшее из всего, что вы когда-либо написали, – это «Элегия по умершей жене». – И, бросив на меня лукавый взгляд: мол, и военные летчики читать умеют, – выдал несколько вполне здравых и даже довольно тонких замечаний по поводу этой поэмы.

Роберт Ситон заметно оживился. Его ничем не примечательное усталое маленькое лицо вдруг озарилось какой-то необыкновенной возвышенной нежностью. Удивительное преобразование!

Компания явно пришла в замешательство. Так значит, дух «мертвой жены» из «Элегии», матери Лайонела и Ванессы, все еще витает под сводами этого дома! Меня внезапно охватило желание узнать об этой женщине все. Затянувшееся молчание прервал Лайонел:

– Послушайте, вы помните того ирландского поэта, который гостил у нас перед войной? Ну, того, папа, – Подера Майо. «Сказать уам, что не так с уашими пойемами, Ситон? Имейте у уйду, это неплохие пойемы. Но уы не уыдираете уаше кровоточащее сердце из груди и не выкладываете йего на страницу перед собой. К чертовой матери всю уашу драгоценнейшую деликатность со сдержанностью вместе, вот что я уам скажу».

Роберт Ситон хмыкнул:

– Да-да, это был дикий человек. А потом он стал декламировать мою «Элегию», обливаясь при этом горячими слезами.

После ленча Ситон показал мне сад и хозяйственные постройки. Позади дома, который имеет форму буквы «L» – горизонтальную палочку «L» занимают помещения для прислуги и кухня, – располагается поросший травой двор, посреди которого растет высокий развесистый каштан. Дальше, за двором, начинаются хозяйственные постройки: денники для лошадей, коровники, сарай, маслодельня – все под одной заросшей лишайником крышей, которая за столетия стала похожа на толстое ворсистое одеяло. В левой части двора, напротив кухни, стоит великолепно отстроенный крошечный амбарчик. Ситон объяснил мне, что перестроил его под жилье и теперь сдает своему другу, художнику Торренсу, – он живет здесь с дочерью, я познакомлюсь с ними попозже, когда они придут к чаю.

Мы пересекли двор, обогнули хозяйственные постройки и вошли в сад, обнесенный со всех сторон стеной. В ближнем к нам углу было проволокой отгорожено яров двенадцать для домашней птицы. Ситон с минуту постоял, с интересом разглядывая кур, – я почтительно ждал, – и наконец, бросив на меня быстрый взгляд, сказал наполовину в шутку, наполовину всерьез:

– У кур всегда какой-то неприкаянный вид – вам это никогда не приходило в голову?

В его чистом, глубоком голосе прозвучало столько чувства, что я не мог удержаться от улыбки. Ну конечно же, несомненно, это Китс с его воробышками, клюющими гравий. Я спросил, сам ли он ухаживает за птицей и за коровами. Он ответил, что сначала ухаживал, но потом потерял к ним интерес, и пришлось снова нанять скотника и садовника, а вот коров он иногда доит – ему кажется, что это его успокаивает.

Мы пересекли сад и через изящную кованую железную калитку вышли на лежащий за забором луг. Здесь паслись знаменитые гернсейские коровы, ужасно напомнившие мне коров с Ноева ковчега. Дальше, по левую руку от нас, простирался густой лес; справа, где кончалось пастбище, текла Темза. От этого мирного пейзажа исходил удивительный покой.

– Когда я вернулся сюда, то подумывал написать английские георгики¹. Но фермер из меня никудышный, и природа как таковая мне быстро надоедает.

– Когда вы вернулись?..

– Да. После смерти отца и старшего брата поместье досталось мне. Вместе с деньгами. Это было весьма кстати: поэтам нравится перебиваться с хлеба на воду не больше, чем обычным людям... Только вот было уже поздно. А вот здесь мы купаемся, чуть пониже. Я вам покажу.

Я не стал задавать вопросы, которые вызвали у меня последние слова поэта; впрочем, слова эти вряд ли были обращены ко мне. Мы не спеша спустились к реке, и Ситон показал мне место, где берег постепенно переходил в природную купальню; потом поднялись на обрыв чуть подальше – тут я увидел остатки сада, разбитого когда-то террасами возле старого дома, стоявшего на самом гребне обрыва. Потом мы снова вернулись на просторный двор. Кто-то из всех сил тряс ветви каштана; из-за свечек распустившихся бутонов выглядывала, кривляясь и гримасничая, идиотская физиономия.

– Финни всегда лазает на это дерево, – сказал Роберт Ситон. – Он ловкий, как обезьяна. Поразительно сильные руки – вы, наверное, и сами заметили, когда он обслуживал вас за столом.

Поскольку ничего более подходящего мне в голову не пришло, я попросил показать мне маслодельню. Она стояла последней в ряду хозяйственных построек, рядом с крохотным амбаром – осколком старины. Здесь денег явно не пожалели. Сепаратор, пастеризатор, холодильник, формы для сыров, сушка для масла и все такое прочее – все блещет чистой и гигиенично до невозможности. Окна под самым потолком, пол и стены выложены плиткой, хорошо продуманная система слива воды, так что все помещение можно мыть из шланга. Явно оживившись, Роберт Ситон расписывал мне все достоинства своего хозяйства, но потом снова ушел в себя. Внешне он остался внимательным собеседником, но стал рассеян, смотрел мимо меня... Я решил, что он не в силах надолго отвлечься от эпических событий Великой войны – хотя, должен сказать, это очень необычный предмет для Роберта Ситона.

Мы еще немного побродили. Он показал мне прекрасно оборудованную мастерскую и несколько незаконченных предметов мебели, которые сколотил сам. Я обратил внимание, что на них лежит толстый слой пыли. Меня не оставляло чувство, что в этом поместье живет единственное дитя богатых родителей, балующих его всеми игрушками, какие только можно

¹ «Георгики» – сборник стихов о деревенской жизни древнеримского поэта Вергилия. – *Примеч. пер.*

купить за деньги, но подарки только ненадолго развлекают ребенка, он тут же их бросает и забывает про них... Я заметил на скамейке красивую вещицу, вырезанную из дерева, и спросил, его ли это работа.

– Нет, это сделала Мара Торренс. Неплохо у нее получается, верно?

Вглядевшись повнимательнее, я даже вздрогнул: среди вырезанных на дереве листьев и фруктов, сплетавшихся в сплошной узор, мне бросилась в глаза откровенная фаллическая сцена. И что больше всего меня потрясло, бородатое лицо Сатира, хоть и совсем крошечное, чем-то до жути напоминало ни больше ни меньше нашего поэта, Роберта Ситона. Я произвольно перевел на него взгляд; он не отвел глаз. На лице у него вновь появилось выражение необыкновенной печали, которое, кажется, всегда скрывалось в глубине его глаз, готовое в любой момент вырваться наружу.

– Понимаете, это что-то вроде аутотерапии, – сказал он.

Я, конечно, ничего не понял. Но в Ситоне есть какое-то особенное достоинство, которое, как я обнаружил, способно обезоружить даже мое безбрежное любопытство и не дать ему развернуться во всю ширь, а мне – сунуть свой нос в дела поэта.

Но вот он оставил меня, предложив продолжить знакомство с Плаш-Мидоу самостоятельно. Прежде чем вернуться в дом, я решил взглянуть на цветник. Пройдя мимо амбара, я зашагал по дорожке между тисами и розовыми кустами, ведущей к летнему домику. Это легкое строение может поворачиваться вокруг своей оси, и сейчас оно было повернуто задней стенкой к дорожке. Внутри были слышны голоса. Я уже слишком долго сдерживал свою любознательность и теперь не мог отказать себе в удовольствии послушать. Один из голосов принадлежал Лайонелу Ситону, другой, женский, с легкой хрипотцой, был мне незнаком; в нем звучала уверенность и, не могу найти другого слова, злорадство. Вот что они говорили:

Незнакомая женщина. Так, значит, дорогой мой Лайонел, ты готов для меня на все, не так ли? Прямо-таки на все? Хотелось бы мне знать, ты действительно хочешь это сделать?

Лайонел Ситон. Ты знаешь, что я хочу сделать.

Незнакомая женщина. О да. Меня... необходимо оприходовать. Как спорную пустошь или что-нибудь в этом роде. А что если я не хочу, чтобы меня оприходовали?

Лайонел Ситон. То есть такая жизнь, как сейчас, тебя вполне устраивает?

Незнакомая женщина. Вполне. А разве бывает другая?

Лайонел Ситон. Еще как бывает, моя дорогая девочка. И ты это знаешь. Любовь, замужество, семья, дети. Обычная нормальная жизнь.

Незнакомая женщина. Как же скучно все то, что ты мне тут говоришь!

Лайонел Ситон. За последние пять лет драм у меня было по горло. Теперь я мечтаю о черном котелке, поезде в восемь тридцать и шлепанцах у камина.

Незнакомая женщина. Пожалуйста, бери, кто тебе не дает? Но лично меня все это не интересует. Ты с твоим домашним очагом тоску на меня наводишь... Что до меня, я хочу еще испытать бурю перед смертью. Я...

Лайонел Ситон. Бурю! В стакане воды! Вот в этом ты вся... Нет, у тебя это не выйдет, девочка моя! Я неплохо владею рукопашной, так что убери свои длинные красные ногти, этот номер у тебя не пройдет.

Незнакомая женщина. Ну надо же! Ты, оказывается, можешь быть не таким уж скучным... Ну что ж, давай, продолжай в том же духе. Оприходуй меня! Давай, давай, мой маленький герой, не бойся...

Я решил, что мне пора и честь знать, и ретировался. Ну и ну! Эта леди, как говорит мой друг суперинтендант Блаунт, сушая страсть Господня. Впрочем, мне кажется, у нее достойный противник.

Я встретился с ней через час, за чаем. Она прошла по газону к столу, за которым мы сидели в тени одного из гигантских деревьев; рядом с ней шел высокий толстый, довольно

непрезентабельного вида мужчина. Меня представили Реннелу Торренсу и его дочери Маре; я узнал ее голос, как только она произнесла первое слово. Гладкие темные волосы (почему это все связанные с искусством особы женского пола выглядят так, будто вылили себе на голову ведро лака для мебели и забыли воспользоваться гребенкой?), грубая, белая до рези в глазах кожа, беспрестанно двигающиеся пальцы – заядлая курильщица? любительница приложиться к бутылочке?

Она долго-долго рассматривала меня своими глазами чуть навывкате; я чувствовал на себе их взгляд, даже когда отворачивался. За чаем они с Лайонелом явно старались не смотреть друг на друга. Я заметил, что миссис Ситон бдит и не спускает с них настороженных глаз. Вообще атмосфера за столом была довольно напряженная. Разговором завладел Реннел Торренс – он долго громил модных художников: Мэтью Смита, Сазерленд, Хитченс, Кристофера Вуда, Френсиса Ходкина... досталось всем, невзирая на возраст и пол. Нам, мол, надлежит решительно отречься от французского влияния и вернуться назад, к Сэмюэлю Палмеру! Ну и брюзга этот Торренс; вероятно, он сам художник-неудачник. Но сколько апломба! После десяти минут сотрясения воздуха, расстреляв все боеприпасы, он соизволил заметить мое присутствие и спросить, чем я вообще-то интересуюсь.

– Преступлениями, – ответил я.

Он бросил быстрый взгляд на дочь, потом снова уставился на меня. На лице его появилось совершенно иное выражение – настороженность? непонимание?..

– Что? Вы читаете детективные романы?

– Ничего подобного, он ими живет, – вмешался Пол. – Найджел на короткой ноге со Скотленд-Ярдом. Так что берегитесь, он человек опасный.

Ванесса радостно захлопала в ладоши:

– Послушайте, ведь это то, что нужно! Когда Торренс перебьет всех своих конкурентов, мистер Стрейнджуэйз его выследит!

– Они, почти все, уже давно поумирали сами. И смердят, – произнес Торренс.

Упершись в меня немигающим взглядом, Мара спросила, не специализируюсь ли я на каком-нибудь определенном виде преступлений. Тут забеспокоилась миссис Ситон и поспешно заметила, что я, конечно, не настроен сейчас вести профессиональные разговоры.

– А мне интересно! – возразила Мара капризным детским голосочком.

– Ну, как вам сказать... Например, я участвовал в раскрытии ряда убийств.

Напряжение, возникшее было после последних слов Мары Торренс, кажется, немного ослабло. На лице Роберта Ситона не осталось и следа его обычной задумчивости и рассеянности, он прямо дрожал от любопытства, словно терьер перед крысиной норой. Он сказал:

– Это, я думаю, ужасно захватывающе! Я имею в виду точку взрыва – точку, на которой данный мужчина или данная женщина вдруг вспыхивает. По-моему, это у всех бывает по-разному.

– Вот бы посмотреть, как Лайонел взорвется! – захихикала Ванесса. – Вот увидите, он будет гореть огненно-красным пламенем.

– А по-моему – чистым белым огнем, – язвительно пробормотала мисс Торренс, сделав ударение на слове «чистым».

Лайонел швырнул в сестренку диванной подушкой.

– Но чаще всего убийства бывают преднамеренными, а не из-за внезапного взрыва чувств, разве не так?

– Дети, что за жуткие разговоры, – проронила миссис Ситон.

Но ее муж пропустил намек мимо ушей.

– Я не это имею в виду, Лайонел, – продолжил он свою мысль. – Каждое убийство – это акт страсти, как бы долго преступник к нему ни готовился. Я говорю о точке загорания в каждом человеческом существе. Вот посмотри – ты можешь страстно желать избавиться

от кого-то, можешь строить планы в своем воображении; ты уверен, что это так, не все-ррез, и тебе нравится представлять, чем бы ты его убил, при каких обстоятельствах, как бы создал себе алиби и так далее... При этом, сам того не замечая, ты протягиваешь бикфордов шнур из своего воображения в реальную действительность. И вот наступает момент, когда ты видишь, что шнур подожен, по нему ползет искорка и ты уже не в состоянии остановить взрыв. Ты обречен совершить то, что казалось тебе только фантазией.

– Ой, – воскликнула Ванесса, – папочка, не говори такие страшные вещи!

Я сказал что-то о том, что точка взрыва будет зависеть от того, насколько убийство, которое ты мысленно запланировал, совместимо с твоей натурой, твоей личностью. Если мотив убийства несостоятелен, то есть не связан с самым сильным элементом твоей личности, господствующей страстью, то никакой бикфордов шнур не загорится.

– Но кто же будет задумывать убийство, если не затронуто то, что ты называешь господствующей страстью? – весьма резонно заметил Пол.

– Разговор становится интересным, – медленно, с расстановкой произнесла Мара Торренс. – Скажите же нам, какой, по-вашему, мотив мог бы подвигнуть каждого из нас переступить последнюю черту?

Я ответил, что не знаю присутствующих достаточно хорошо. Молодая женщина провела в воздухе сигаретой и остановилась на миссис Ситон.

– Давайте, Джанет. Мистер Стрейнджуэйз недостаточно хорошо нас знает, поэтому мы сами расскажем ему о своих мотивах. Начинайте.

– Моя дорогая Мара, я не люблю этих игр в правду. Они всякий раз заканчиваются слезами.

– Ладно, я скажу за вас. Это очень просто. У Джанет господствующая страсть – это Плаш-Мидоу и все, что в нем находится. Она убьет каждого, кто посягнет на это... Теперь ваша очередь, Пол.

– Я чистый альтруист. Я бы мог убить во имя блага человечества. Хотелось бы мне собрать в одной комнате руководителей великих держав, наставить на них автомат и пообещать, что если они через три часа не договорятся о запрете атомной бомбы, я открою огонь.

– Ну что ж, неплохо. А ты, отец?

Реннел Торренс вытер жирное лоснящееся лицо.

– Я художник. На убийство меня подвигло бы только благородное чувство. Я бы...

– Хм. Или если бы кто-нибудь встал между тобой и твоими земными благами, – перебила его дочь снисходительно-презрительным тоном. – Ты можешь убить в панике. А также, возможно, ради выгоды, если это окажется более или менее безопасно, а выигрыш будет очень значительным... Ну, Роберт убил бы за искусство, правда, Роберт?

– Возможно, вы и правы, моя дорогая, – мягко промолвил поэт. – Вот только я никогда бы не смог заставить себя взглянуть в лицо своей жертве. Мое убийство отнесли бы к разряду тех, которые совершаются издалека – знаете, что-нибудь вроде пилюль с цианидом в пузырьке из-под аспирина.

Тут Ванесса, сидевшая себе тихонечко в облаке своих желтых волос и что-то соображавшая, вдруг задумчиво проговорила:

– А мне хотелось бы отравить нашу химичку, мисс Глабб. Каким-нибудь медленно действующим ядом. И потом смотреть, как она извивается и корчится у моих ног...

– Ванесса!

– А когда она стала бы уже отдавать Богу душу, я дала бы ей противоядие. Или поставила бы ей здоровенную клизму, а еще лучше желудочный зонд. Мистер Стрейнджуэйз, вы мне расскажете, как ставят желудочный зонд?

– Ты могла бы попробовать на себе, тебе было бы очень полезно, – улыбнулся Лайонел, ткнув сестренку в живот. – Прямо противно видеть, как ты раздуваешься после каждой еды.

– Замолчи, Лайонел, прошу тебя, ты просто невыносим! И я вовсе не обжора.

– И так, остается Лайонел, – сказала Мара. – За что же наш рыцарь без страха и упрека мог бы совершить убийство?

– Ну, я мог бы свернуть тебе шею, когда у тебя будет особенно противное настроение.

– О да, преступление на почве сексуального влечения. Так и запишем, – парировала она, смерив его долгим пронзительным взглядом.

На лужайке наступила тишина. Над нашими головами ворковали лесные голуби. Я различал вдали приглушенный плеск воды у плотины.

– А что, никого не интересует, за что я убила бы человека? – произнесла Мара Торренс.

Все молчали.

– Я могла бы убить из мести, – сказала она.

– Вот здорово! – пришла в восторг Ванесса. – Совсем как я с мисс Глабб!

Появился Финни – убрать чашки со стола.

– А как насчет нашего Финни? – протянула Мара.

Миссис Ситон с угрожающим видом повернулась к ней:

– Мара, я запрещаю тебе, ты ведь знаешь, что Финни не...

– Ладно-ладно. Финни – принадлежность Плаш-Мидоу, и трогать его нельзя. Я знаю. Правильно, Финни?

Карлик закудаhtал и лучезарно улыбнулся Маре Торренс. Когда он ушел в дом, Роберт Ситон обратился ко мне:

– Тут есть один очень интересный момент. Финни повторит все, любое действие, которое увидит. Так его научила моя жена.

– Вы хотите сказать, – уточнил я, – что если он на самом деле увидит, как убивают человека, он преспокойно может повторить это на другой жертве?

Роберт Ситон кивнул, но тут его жена решительно взяла разговор в свои руки и направила его в совершенно иное русло. Все снова стало мило, непринужденно и безмятежно. Через час мы с Полом уехали. Хозяева стояли у ворот и махали нам руками – знаменитый поэт в окружении своих роз и очаровательной семейной группы. Как хорошо; и как же редко творец окружен такой прекрасной, такой спокойной обстановкой для работы. Съезжая с дорожки на мостовую, я бросил прощальный взгляд назад и увидел, как кусты роз с какой-то нежной заботливостью сдвигаются вокруг Роберта Ситона и наконец совершенно его поглощают. Какая благодать. Какой покой...

Чемодан без бирки

Через два месяца после посещения дома Ситона Найджел Стрейнджуэйз получил телеграмму:

Н. СТРЕЙНДЖУЭЙЗУ, УЭЛБЕК-КЛАБ, ЛОНДОН
ТЕЛО В ТЕМЗЕ ПОЛТОРЫ МИЛИ ВВЕРХ ПО ТЕЧЕНИЮ ОТ ХИНТОН-ЛЕЙСИ
ТОЧКА ИНТЕРЕСУЕТЕСЬ ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК ПОЛ

На что Найджел ответил:

П. УИЛЛИНГХЭМУ, РОББ-ФАРМ, ХИНТОН-ЛЕЙСИ, ОКСФОРДШИР
НЕТ С КАКОЙ СТАТИ ВЫУДИ ЕСЛИ ТЕБЕ ТАК ИНТЕРЕСНО ОЧЕНЬ ЗАНЯТ
НАЙДЖЕЛ

Еще через два дня, когда он работал над своей книгой о графологии рукописей ряда поэтов XX века, пришла вторая телеграмма:

Н. СТРЕЙНДЖУЭЙЗУ, УЭЛБЕК-КЛАБ, ЛОНДОН
ПОЛИЦИЯ ВЗЯЛА ПЛАШ-МИДОУ В ОСАДУ ТОЧКА ДЖАНЕТ СИТОН ОТЛИЧНОЙ
ФОРМЕ ПРИНЯЛА НА СЕБЯ КОМАНДОВАНИЕ ОБОРОНОЙ ТОЧКА УЖЕ ОТМЕТЕЛИЛА
ИНСПЕКТОРА ТОЧКА ТЕПЕРЬ-ТО ИНТЕРЕСУЕТЕСЬ ВЫ СТАРЫЙ ПОЖИРАТЕЛЬ ТРУ-
ПОВ ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК ПОЛ

Найджел не ответил. Пол Уиллингхэм никогда не писал писем; он также не пожелал поставить у себя дома телефонный аппарат на том основании, что наговорился по телефону во время войны, так что Найджелу ничего не оставалось, как отправиться к нему и заставить его объяснить, что означает вся эта болтовня. Но сперва Найджел позвонил своему старому другу, суперинтенданту Блаунту, в Новый Скотленд-Ярд: у него не было желания прерывать работу из-за какой-то легкомысленной телеграммы от Пола. В то же время нельзя было сбрасывать со счетов, что тело, найденное в полутора милях вверх по течению от Хинтон-Лейси, находилось одновременно в полутора милях ниже Ферри-Лейси; к тому же вряд ли полиция пожаловала в Плаш-Мидоу только для того, чтобы полюбоваться розами.

– Блаунт? Это Стрейнджуэйз. Извините за беспокойство, но вам ничего не известно о теле, найденном в Темзе два или три дня назад – в Оксфордшире, неподалеку от местечка, называемого Ферри-Лейси?

– Да, я как раз только что разговаривал с помощником комиссара, он звонил мне по поводу этого дела. Ну, не странное ли совпадение? Оксфордширцы просили у нас помощи.

– А в чем там дело? Самоубийство? Убийство?

– Боюсь, что самое настоящее убийство. Вы вообще-то газеты читаете?

– Только «Всемирные новости». Причем по воскресеньям. А кто жертва?

– Вот это-то и надо выяснить, – ответил суперинтендант Блаунт и невесело ухмыльнулся. – Но вы-то откуда обо всем этом знаете, если не читали газет?

– Дело в том, что я знаком с Ситонами, которые живут...

– Черт бы вас побрал, Стрейнджуэйз! Вы сегодня вечером свободны? Хотелось бы поболтать с вами после того, как я встречу с инспектором Гейтсом – это местный полицейский, отвечающий за расследование.

– Тот самый, которого отметелила миссис Ситон?